

велізарную шкоду беларускай нацыянальнай культуры, якая шмат часу знаходзілася пад уплывам уніяцкай царквы, а часам нават і прадвызначалася ёю. Таму не дзіўна, што простае насельніцтва не хацела іншай веры, як уніяцкай і прыклалі шмат намаганняў, каб супрацьстаяць насільнаму пераводу вернікаў у праваслаўе [4, с.72–73].

Такім чынам, уніяцкая царква стрымлівала асімілятарскія дзеянні, накіраваныя з двух бакоў – ў XVIII ст. з боку Польшчы, а ў XIX ст. – з боку Расіі, здолела захаваць беларускую мову ў богаслужэннях і казаннях, канешне, пераважна сярод простага, сялянскага насельніцтва, садзейнічала фарміраванню самасвядомасці беларускага народу, яго самаідэнтыфікацыі.

Літаратура

1. *Конан У. Я.* Руцкі і станаўленне уніяцкай царквы / З гісторыі уніяцтва ў Беларусі. Мінск, 1996.
2. *Лабынцаў Ю.* Пачатак Скарынам. Мінск, 1990.
3. *Лыч Л.* Беларуская нацыя і мова. Мінск, 1994.
4. *Лыч Л.* Рэлігія і мова // Літаратура і мастацтва. 1991. №№ 29, 31–36.
5. *Марозава С.* Першы адукацыйны захад уніяцкай царквы // Нацыянальная адукацыя беларуска-польска-літоўскага сумежжа / Навук. Рэд. С.А. Яцкевіч. Брэст. Міжнародная акадэмія вывучэння нацыянальных меншасцей, 1997.
6. *Падокшын С.* Іпацый Пацей. Царкоўны дзеяч, мысліцель, пісьменнік на пераломе культурна-гістарычных эпох. Мінск, 2001.
7. *Паўлавец Д.* З гісторыі развіцця мовазнаўства на Беларусі ў XVI–XVIII ст. // Из истории науки и техники Белоруссии. Минск, 1988.
8. *Савич А.* Нариси з історыі культурных рухів на Украіні та Білорусі в XVI–XVIII в. Київ, 1929.
9. *Dylagowa H.* Unia brzeska – pojednanie czy podzial.// Unia brzeska. Geneza, dzieje i konsekwencje w kulturze narodow slowianskich. Krakow. 1994.

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОПЫТКИ ЕЕ РЕШЕНИЯ МИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ В 1812 ГОДУ

С. А. Лютых

Уже с самого начала кампании 1812 г. командование Великой армии столкнулось с проблемой мародерства и резким падением уровня дисциплины в войсках. Причем, эта болезнь массово поражала даже самые боеспособные и дисциплинированные части французской армии.

26 июня (8 июля) авангард маршала Л.Н. Даву без сопротивления занял Минск [1, с.466]. Из-за ряда форсированных маршей войска оказались сильно растянуты, были крайне утомлены и срочно нуждались в отдыхе. Чтобы дать войскам время сосредоточиться и привести себя в

порядок Л.Н. Даву приказал остановиться и простоял в Минске с главными силами до 28 июня (14 июля) [2, с.240].

Эту четырехдневную оперативную паузу Л.Н. Даву незамедлительно использовал для искоренения мародерства и распушенности в войсках. Чтобы не допустить повторения грабежей имевших место в Вильно, уже на следующий день после занятия Минска Л.Н. Даву отдал по корпусу строжайший приказ, в котором маршал потребовал в течение 24 часов восстановить в войсках порядок и дисциплину [3, с.339].

Для того чтобы устранить главную причину грабежей, командование сразу же постаралось организовать раздачу продовольствия. Провиантские магазины, уцелевшие благодаря усилиям минской шляхты, оказались здесь как нельзя кстати. О том, в каком строжайшем порядке происходила раздача продовольствия, свидетельствует строки из письма начальника штаба корпуса Л.Н. Даву генерала Ромефа к командирам дивизий 1-го корпуса: «<...>. Все команды должны двигаться строем в полном порядке и в сопровождении капитана, ответственного за получение продовольствия. Этот офицер будет нести персональную ответственность за малейший беспорядок, если такой произойдет <...>. Офицер штаба будет присутствовать при раздачах и проконтролирует, каким образом они будут происходить» [3, с.492].

«Железный маршал» навел порядок в своем корпусе посредством неумолимых наказаний. лейтенант О. Редер Бомсдорф был свидетелем того, как обращаясь к солдатам 5-й дивизии, Л.Н. Даву произнес свою знаменитую речь: «Мы находимся не в стране наших врагов. Напротив, мы находимся среди друзей, среди наших сердечных союзников. Дисциплина никчемная! Но я покажу пример, как усилить дисциплину. Да, господа мои! Одному полковнику, который забылся, я содрал эполеты, а император снял его с должности. Тридцать кирасир в этом дружественном городе, где у меня главная квартира, позволили себе грабеж среди бела дня. В течение одного часа они были расстреляны. Господа мои! Я напоминаю вам о вашем долге, о воле императора, о моем приказе. Я клянусь, что приму меры, дабы наказать каждого, кто провинится, невзирая на личность, пусть и самую превосходнейшую» [4, с.11]. Преступление наказанных кирасир заключалось в следующем: войдя в лавку, находящуюся под ратушей, они попросили показать сукно. Когда еврей разложил на прилавке свой товар, то несколько кирасир ворвались за прилавок, схватили еврея и начали его колотить. В это время остальные схватили сукно и бросились бежать, но благодаря собравшейся возле лавки толпе народа скрыться им не удалось. Все они вместе с товарищами были схвачены подошедшим патрулем [5, с.23].

Капитан К. Колачковский отметил, что «беспощадный маршал не допускал мародерства, и его расправа с ним была очень коротка». По словам поручика Ф. Гаевского, в Минске Л.Н. Даву наказал 2000 мародеров [4, с.11].

28 июня (14 июля) основные силы из группировки Л.Н. Даву выступили из Минска. В качестве гарнизона в городе был оставлен 33-й полк легкой пехоты, укомплектованный голландцами. Уже вскоре через Минск прошли еще две крупные воинские группировки. Во второй половине июля минчане встречали 8-й (вестфальский) корпус под командованием генерала Д. Вандама [6, с.111]. А в середине сентября в Минск на несколько дней прибыл маршал К. Виктор с частью 9-го корпуса Великой армии. Здесь войска простояли всего несколько дней и отправились дальше на восток [7, № 14]. Помимо этих трех крупных корпусов, в течении всей войны 1812 г. через Минск курсировали, постоянно сменяя друг друга, маршевые пополнения, отдельные части и соединения Великой армии. Это были многонациональные воинские формирования, состоявшие в основной массе из вестфальцев, саксонцев, вюртембергцев, гамбургцев и поляков. Побывали в Минске также швейцарцы, голландцы и иллирийцы [8, с.342–348].

Во время кампании 1812 г. войска были вынуждены совершать многодневные и почти непрерывные марши, которые сопровождались лишениями, связанными с нехваткой провианта, фуража, и ужасной жарой. Выдержать такие тяжелые условия могли далеко не все, поэтому не удивительно, что в любой, даже самой опытной и дисциплинированной части, было огромное количество отставших. Впрочем, слово «отставший» не должно восприниматься слишком безобидно. Оставшийся без всякой связи со своей частью, без присмотра офицеров, солдат часто превращался в мародера, откуда был недалек путь и до дезертира [3, с.294]. Солдаты разных корпусов, которые отстали, или удалились самовольно, в поисках пропитания, как саранча разбойничали в тылах, нередко создавая грабительские шайки.

Подобная картина летом 1812 г. наблюдалась и в окрестностях Минска. По словам Хенрикуса Петруса Эвертса, майора 33-го легкого полка, «окрестности Минска в окружности 30 лье (120 верст) были переполнены множеством людей, оставшихся в тылу. Их число составляло 100 тыс., которые грабили Великое княжество Литовское разнузданным, ужасающим образом» [9, с.257].

Обязанности по решению проблемы с мародерами легли на польского генерала французской армии Н. Брониковского, которого в середине лета назначили на должность минского губернатора [7, №1]. Для

установления спокойствия в департаменте новоиспеченному губернатору пришлось регулярно высылать из Минска в места прохождения войск на разные дороги мобильные колонны. Их основу составляли солдаты 33-го полка легкой пехоты, которые с середины июля до 15 (27) августа занимались «зачисткой» Минского департамента от мародеров [8, с.333]. К слову сказать, полк этот был не самым образцовым в плане дисциплины. В свое время он был оставлен в Минске в качестве гарнизона только из-за того, что в его рядах было больше всего отставших [4, с.10].

Мобильные колонны совместно с жандармерией занимались тем, что отлавливали «отставших солдат всех наций и всех полков», а затем конвоировали их в Минск. Только за один рейд в город доставлялось от нескольких сотен до нескольких тысяч мародеров [9, с.257]. Если учесть, что подобные операции проводились в Минском департаменте регулярно на протяжении нескольких месяцев, то общее число мародеров и дезертиров препровожденных в Минск за время войны может составить порядка десяти тысяч человек.

В Минске задержанных солдат ожидал военный трибунал, приговоры которого немедленно приводились в исполнение и не отличались особым милосердием. Расстрелянных в Минске по приговору военного трибунала солдат была не одна и не две сотни. И если верить словам поручика Ф. Гаевского, что только Л.Н. Даву наказал в Минске 2 тыс. мародеров, то общее количество расстрелянных в Минске солдат может достигать нескольких тысяч. Очевидно, что всех этих несчастных хоронили где-то за пределами города, но точной информации отыскать пока не удалось и этот вопрос остается открытым.

Тех же, кого суд оправдал, организовали в маршевые батальоны, и как только их набиралось достаточное количество, отправляли под охраной в Борисов, откуда генерал Ж. Барбанегр направлял их к соответствующим корпусам [9, с.278].

Таким образом, уже в Минске французское командование постепенно начало осознавать, какую смертельную опасность несет для армии падение дисциплины. Одним из первых, кто всерьез взялся за наведение порядка в войсках, стал маршал Л.Н. Даву. И, в общем-то, благодаря решительным и даже жестоким мерам ему действительно удалось взять ситуацию под контроль. Но впоследствии, когда масштабы мародерства только разрастались справиться с этим явлением теми силами, которые находились в распоряжении минских властей, физически было просто невозможно.

Литература

1. *Чиняков М. К.* Отечественная война 1812 года // Энциклопедия. М., 2004.
2. *Иностранцев М. А.* Отечественная война 1812 года. Операции 2-й Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. СПб., 1914.
3. *Соколов О.* Армия Наполеона. СПб., 1999.
4. *Попов А. И.* Необычная экзекуция // Император: военно-исторический альманах. 2006. № 9. С. 10–11.
5. *Краснянский В. Г.* Минский департамент Великого княжества Литовского. СПб., 1902.
6. *Михайловский-Данилевский А. И.* Описание отечественной войны в 1812 году. М., 2008.
7. *Tymczasowa Gazeta Minska.* № 1, 14.
8. *Попов А. И.* Великая армия в России: Погоня за миражом. Самара, 2002.
9. *Попов А. И.* Служба в тылах Великой армии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. VI. М., 2007.

ЗНАКОВЫЕ ОПЕРАЦИИ ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАНЕ (1979–1989 ГГ.)

А. А. Максимович

25 декабря 1979 года, по решению Политбюро ЦК КПСС от 12 декабря того же года начался ввод Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан [1, с.101]. Всего за 9 лет с небольшим в Афганистане при исполнении долга перед Родиной погибло 14 453 советских граждан (включены солдаты из ОКСВ, КГБ, диппредставители, рабочие по обслуживанию армии), более 50 тысяч получили ранения [2, с.182]. Война оставила след на сердце более чем полумиллиона её советских участников, отстаивавших интересы своей страны в этой азиатской республике.

Официальной целью ввода войск была защита Афганистана от внешней агрессии. В реальности всё было сведено к замене на более лояльного Москве руководителя и дальнейшему поддержанию просоветского режима в Афганистане. Советские войска при выполнении этой задачи столкнулись с сопротивлением вооружённых отрядов оппозиции – моджахедов, – которые считали установленный режим незаконным, а советские войска – оккупационными. Основные боевые действия как раз и развернулись между отрядами многочисленной афганской оппозиции и советскими войсками. Фактически, к вводу ОКСВ в этой азиатской республике уже шла гражданская война, и советские солдаты оказались втянуты в этот внутренний конфликт.